

Медведев Лев Михайлович

**В гимназии. Странички из
воспоминаний**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Михайлович М.**
В гимназии. Странички из воспоминаний / Медведев Лев Михайлович – М.:
Книга по Требованию, 2025. – 244 с.

ISBN 978-5-519-95903-2

ISBN 978-5-519-95903-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Вмѣсто предисловія.

Я очень люблю эту молодую, бодрую компанію.

Юношами ихъ назвать еще рано, дѣтьми, пожалуй, уже поздно. Это все народъ пятнадцати-шестнадцатилѣтняго возраста. За ними уже осталось назади первое, беззаботное дѣтство, передъ ними впереди полная радостныхъ тревогъ юность, а затѣмъ широкое поле жизни...

Кто знаетъ, что ждетъ ихъ въ будущемъ? Можетъ быть это будущее для нѣкоторыхъ изъ нихъ свѣтло и радостно, какъ вешнее утро, а для другихъ темно и безпросвѣтно, какъ ненастная осенняя ночь. Можетъ быть однихъ изъ нихъ ждутъ только радости, другихъ только огорченія.

Кто можетъ знать, кто въ состояніи предсказать?..

Вѣрнѣе, всѣхъ ихъ ждетъ какъ то, такъ и другое.

Жизнь даетъ и то, и другое, однимъ меньше, другимъ больше, но для огромнаго большинства людей она чередуетъ хорошее съ дурнымъ, легкое съ тяжелымъ и пріятное съ огорченіемъ. Ихъ же жизнь только, только нагинается, — она вся впереди.

Но первыя сознательныя мысли зарождаются уже теперь... И это для большинства людей лучшая пора жизни, лучшая потому, что есть много надеждъ и не наступила пора мудраго опыта и неизбѣжныхъ съ нимъ разочарованій.

Я хорошо помню эту пору своей жизни, люблю уноситься къ ней въ часы воспоминаній, когда остаюсь наединѣ съ самимъ собой и, ожидая неизбѣжнаго для всѣхъ

исхода, уже недалекаго, перебираю въ своей памяти многое изъ того, что мною пережито, передумано и перечувствовано...

Я сижу въ своей комнатѣ, а они рядомъ, за дверью, приготавливаютъ на завтра уроки.

Не могу сказать, чтобы эти уроки готовились слишкомъ ужъ усердно... Въ промежуткахъ, и довольно частыхъ, молодежь разговариваетъ о разныхъ своихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ.

Компанія состоитъ изъ моего сына и его товарищей по гимназiи. Собирается ихъ человѣкъ пять, шесть, поочередно въ разныхъ мѣстахъ: иногда у насъ, иногда въ другихъ семействахъ. Мы — взрослые — не любимъ ихъ тревожить; это тѣмъ болѣе, что и сами они ужъ не маленькіе, хотя иногда пожурить ихъ не мѣшаетъ, ибо они доказываютъ совершенно обратное: среди „серьезныхъ“ разговоровъ, вдругъ возьмутъ да и выкинутъ такое, что хоть прямо бѣги изъ дому.

До окончанiя гимназическаго курса имъ остается еще почти три года, но они уже и въ настоящее время не прочь помечтать о будущемъ.

Подслушивать, что говорятъ другіе — вещь нехорошая. Я это отлично знаю, но, противъ моей воли, мнѣ приходится иногда слышать ихъ бесѣды. Согласитесь сами: не могу же я постоянно затыкать свои уши, а они, словно на зло, когда увлекаются и войдутъ, какъ говорится, въ азартъ, разсуждаютъ такъ громко, что голосъ ихъ не только слышенъ въ моей комнатѣ, а раздается рѣшительно по всей квартирѣ, не особенно, впрочемъ, большой.

— Ты, Володя, на какой факультетъ думаешь поступить? — спрашиваетъ одинъ изъ компаніи.

— На юридическій, — отвѣчаетъ Володя, при чемъ почему-то старается сказать это съ басовымъ оттѣнкомъ въ голосѣ.

— А оттуда куда?

— Мало-ли куда: поступлю на службу, буду судебнымъ слѣдователемъ, потомъ прокуроромъ, а потомъ и дальше.

— Ну, вотъ, тоже, очень интересно... Неужели тебѣ пріятно будетъ постоянно возиться съ ворами, мошенниками, иногда даже разбойниками?

— Я не говорю, что это пріятно,—возражаетъ Володя поучительнымъ тономъ,—но за то я буду приносить пользу обществу.

Тутъ въ разговоръ вступаютъ другіе и начинается самое подробное обсужденіе достоинствъ и недостатковъ судебного поприща.

— А я, господа,—говоритъ кто-то другой,—рѣшилъ пойти на математическій факультетъ, а потомъ перейду или въ технологическій или въ горный институтъ, вообще по какойнибудь такой части.

— Такъ, вѣдь, этакъ тебѣ придется еще, Богъ знаетъ сколько времени, учиться.

— Ну, что же изъ того?

— А то, что надоѣстъ. Мы ужъ будемъ дѣйствовать, а ты еще будешь студентомъ.

— За то потомъ большое поприще,—говоритъ будущій математикъ.

— Что же въ немъ особеннаго?

— Какъ что? Я сдѣлаюсь инженеромъ. У меня дядя инженеръ путей сообщенія.

— Ну, такъ что же, что дядя? Развѣ племянникъ непременно обязанъ сдѣлаться тѣмъ, что его дядя. У меня, вотъ, дядя купецъ, а я купцомъ быть не хочу,—вступаетъ въ разговоръ новый собесѣдникъ.

Будущій инженеръ, однако, возражаетъ довольно разумно:

— Да я и не говорю, что всякій племянникъ долженъ подражать своему дядѣ, а просто мнѣ это дѣло нравится. Къ тому же этотъ родъ дѣятельности и деньги хорошія приносить.

Очевидно, этотъ молодой человѣкъ смотритъ на жизнь, главнымъ образомъ, съ практической стороны и, помимо той пользы, которую намѣренъ приносить обществу въ качествѣ инженера, не хочешь забывать и своихъ личныхъ интересовъ.

Мой сынъ колеблется: онъ еще не выбралъ себѣ окончательной профессіи, но, кажется, собирается сдѣлаться докторомъ.

— Облегчать человѣческія страданія—это великая вещь,—говоритъ онъ.—Вотъ, напримѣръ, хотя бы мама моя. Она совсѣмъ умирала, мы такъ боялись за нее, а профессоръ сдѣлалъ ей операцію и, оправившись, она теперь совершенно здорова.

— Такъ ты, выходитъ, прямо въ знаменитости намѣренъ попасть?—спрашиваетъ кто-то изъ собесѣдниковъ, и спрашиваетъ не безъ нѣкоторой язвительности.

— Этого я не знаю, можетъ и знаменитостію буду, а можетъ быть и самымъ обыкновеннымъ докторомъ. Во всякомъ случаѣ, задача облегчать страданія...

— И получать за это по рублю за визитъ, — насмѣшливо перебиваетъ тотъ мальчикъ, который намѣревается сдѣлаться инженеромъ.

— За то не попаду подъ судъ! — рѣзко отвѣчаетъ будущій цѣлитель человѣческихъ немощей.

— То есть, какъ подъ судъ?—спрашиваетъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ инженеръ.

— Да такъ, очень просто: возьмутъ и отдадутъ подъ судъ,—сердито отвѣчаетъ докторъ.

— За что?

— А вотъ будешь гнилыя шпалы ставить на желѣзную дорогу, возьмутъ и засудятъ.

Инженеръ начинаетъ тоже сердиться Почему это инженеры непременно должны ставить гнилыя шпалы? Правда, бываютъ и такіе, но онъ то ужъ такимъ никогда не будетъ, онъ станетъ поставлять самыя прекрасныя шпалы. Дядя его никогда гнилыхъ шпалъ не ставилъ, а, однако, имѣетъ два собственныхъ дома. Наконецъ, онъ знаетъ такихъ докторовъ, которые умышленно затягиваютъ болѣзнь своихъ пациентовъ съ цѣлью получить побольше денегъ.

— Почему ты предполагаешь, что я буду затягивать болѣзнь?—грозно спрашиваетъ будущій докторъ.

— Я о тебѣ не говорю, но какое ты имѣешь право

утверждать, что я попаду подъ судъ за гнилыя шпалы?—
вопрошаетъ инженеръ свирѣлымъ голосомъ.

Готова вспыхнуть ссора, такъ какъ оба—и инженеръ
и медикъ—уязвлены въ самыхъ лучшихъ своихъ чувст-
вахъ и мечтаніяхъ. Но на помощь приходитъ новое ли-
цо, которое, вообще, отличается гораздо большей молча-
ливостью и скромностью, нежели всѣ остальные члены
компаніи.

— Господа,—раздается протяжный и довольно пѣ-
вучій голосъ, до того времени не слышный,—перестаньте
спорить, а то вы еще, пожалуй, подеретесь, какъ перво-
классники.

— А почему же онъ говоритъ!..

— Съ какой стати онъ смѣетъ!..

Такъ одновременно, съ горячностью, восклицаютъ
оба спорщика.

— Все это чепуха,—говоритъ примиритель.—Ты мо-
жешь быть самымъ честнымъ докторомъ, а онъ самымъ
порядочнымъ инженеромъ. А если оба вы станете плу-
товать, такъ тутъ ужъ вмѣшается Володя.

— Почему Володя?—спрашиваютъ инженеръ и док-
торъ.

— А потому что, какъ судебное лицо, онъ обязанъ
будетъ вмѣшаться, и тогда обоихъ васъ засадятъ подъ
замокъ, а то еще зашлютъ, куда Макаръ телятъ не го-
няетъ.

Раздается веселый смѣхъ и ссора забыта. Прими-
ритель—Вася Костяковъ. Это самый кроткій изъ всей
компаніи. У него тоже есть планы на будущее и онъ,
обыкновенно молчаливый и задумчивый, иногда съ боль-
шимъ одушевленіемъ говоритъ о томъ, какъ, по окончаніи
гимназіи, поступитъ на филологическій факультетъ и
сдѣлается учителемъ словесности или исторіи.

— Ну, вотъ, тоже охота,—возражаютъ ему другіе,—
возиться съ какими-то тамъ мальчуганами и ставить имъ
единицы.

— Почему же непременно единицы?—недоумѣваетъ
будущій педагогъ.

— Всѣ они на одинъ покрой... Поймать, когда не знаешь урока и влѣпить единицу.

— Ну, это, братцы, чушь. За что, скажи на милость, я зря единицу тебѣ ставить буду?.. Мнѣ самому пріятнѣе удовлетворительную отмѣтку поставить...

— Такъ развѣ можно ставить только хорошіе баллы?— изумляется компанія, которая уже видала на своемъ вѣку всякіе виды, отъ пятерки до единицы включительно, и отлично знаетъ, что безъ послѣдняго предмета никакъ при иныхъ обстоятельствахъ обойтись немислимо.

— Да я не говорю этого,—возражаетъ Вася,—иногда, конечно, ничего не подѣлаешь, но, согласитесь сами, что вѣдь это вы чушь говорите, что всякій учитель только и старается о томъ, чтобы сбить ученика.

Начинаются по этому поводу разсужденія. Въ концѣ концовъ торжествуетъ мнѣніе Васи.

— Такъ-то оно такъ,—говоритъ кто-то,—а все таки, братъ Васька, незавидная это доля быть учителемъ.

— Ну, это какъ кому, а мнѣ лучшаго не надо. Мнѣ это дѣло по душѣ, я люблю словесность, люблю исторію и хочу, чтобы и другіе любили.

Мнѣ лично Вася нравится больше всѣхъ товарищей моего сына. Всѣ они славные ребята и всѣхъ ихъ я очень люблю, но Вася самый развитой и самый толковый изъ нихъ. Учится онъ не хуже и не лучше другихъ, но по любимымъ предметамъ работаетъ очень серьезно. Весь кружокъ и думаетъ, и читаетъ, но Вася, кажется, одинъ прочелъ столько, сколько всѣ остальные взятые вмѣстѣ, и прочелъ толково, критически относясь къ прочитанному. Мнѣ думается, что Вася пробуетъ иногда самъ писать... Объ этомъ я съ нимъ никогда, почему то, не говорилъ, хотя, вообще, бесѣдовалъ съ нимъ чаще, чѣмъ съ другими, такъ какъ онъ часто беретъ у меня на прочтеніе разныя книги, преимущественно по русской литературѣ. Ему только пятнадцать лѣтъ, а корифеевъ нашей словесности—Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тургенева, Достоевскаго, Гончарова, гр. Толстого, Бѣлинскаго и многихъ другихъ онъ знаетъ чуть ли что не наизусть.

Можетъ быть, именно по этой причинѣ я нѣсколько пристрастенъ къ нему... По общности склонностей, такъ сказать. Спорить не стану.

— Господа,—вдругъ раздается голосъ какого нибудь изъ будущихъ дѣятелей,—какъ вы думаете, кто самый сильный у насъ въ классѣ?

— Синицынъ!—откликается кто-то.

— Кулаковскій!—восклицаетъ другой.

— Ну, тоже сказать, куда онъ ходитъ твой Кулаковскій. Помнишь, какъ тогда они боролись.

— Такъ что-же?

— А то, что Синицынъ его подмялъ подъ себя такъ, что мы даже испугались,

— Такъ это было неправильно, онъ ему подставилъ ногу.

— Да все равно онъ сильнѣе!

— Нѣтъ, нѣтъ, Кулаковскій сильнѣе. Синицынъ только ловче, а Кулаковскій силенъ, какъ медвѣдь.

И тутъ ужъ совершенно позабываются будущія профессіи. Инженеръ кричитъ, что сильнѣе всѣхъ Кулаковскій, юристъ доказываетъ, что Кулаковскому далеко до Синицына, какъ небу до земли, и даже серьезный и вдумчивый филологъ Вася Костяковъ принимаетъ въ этомъ спорѣ самое живое участіе. Пятнадцатилѣтніе подростки, считающіе себя уже „большими“, становятся совершенными дѣтьми и съ рвеніемъ, достойнымъ гораздо болѣе почетной участи, спорятъ о такомъ въ сущности нелѣпомъ вопросѣ.

— А кто изъ насъ сильнѣе?—вдругъ задаетъ вопросъ, склонный къ юриспруденціи Володя.

— Я!—кричитъ человѣкъ съ медицинскими наклонностями.

— Нѣтъ, я!—перебиваетъ инженеръ.

— Давай поборемся.

— Давай!

Сказано, сдѣлано. Я уже слышу глухую возню въ сосѣдней комнатѣ. Кто-то кого-то повалилъ.

— Осторожнѣе, господа, столъ перевернете, — раздается голосъ Васи Костякова.

Но на него не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія. Возня усиливается; очевидно, и другіе приняли въ ней непосредственное участіе. Докторъ и прочая компанія несомнѣнно увлеклись... Скоро поднимается превеликая кутерьма...

Вдругъ въ прихожей раздается звонокъ.

Кто-бы это могъ быть?..

Черезъ нѣсколько мгновеній въ дверяхъ моей комнаты показывается фигура нашей кухарки. На лицѣ у нея не то недовольное, не то таинственное выраженіе.

Спрашиваю, кто пришелъ?

— Кухарка отъ нижняго квартиранта, — шепотомъ говорить она.

— Что ей нужно?

И, дѣйствительно, я рѣшительно не могу сообразить, для какой надобности могла пожаловать ко мнѣ кухарка нижняго квартиранта.

— Ихній баринъ жалуются.

— На что?..

— На безпокойство жалуются. Мочи моей, говорятъ, нѣтути.

— Какой мочи, почему?

— Отъ емназистовъ этихъ самыхъ: топочуть, говорятъ, надъ самой головой, ровно цѣльный табунъ лошадиный.

Такъ вотъ оно въ чемъ суть. Въ самомъ дѣлѣ, нижній квартирантъ совершенно правъ. У него въ гостяхъ нѣтъ ни будущаго доктора, ни будущаго юриста, ему, наконецъ, нѣтъ ровно никакого дѣла до ихъ будущей дѣятельности, но есть полное основаніе желать спокойствія. Возражать тутъ нечего. Я говорю своей кухаркѣ, чтобы она сказала нижней кухаркѣ, что возможные мѣры для водворенія тишины и спокойствія будутъ мною приняты.

И я вызываю сына и обращаюсь къ нему съ соотвѣтственной рѣчью...

Ничего не подѣлаешь, это моя нравственная обязанность по отношенію къ нижнему квартиранту, который,

какъ никакъ, все таки мой ближній, ибо смертенъ, какъ и я, а слѣдовательно вполнѣ основательно желаетъ покоя и въ этой жизни.

Сынъ возвращается къ товарищамъ, что-то тихонько говорить имъ и, вотъ, кто нибудь болѣе благоразумный предлагаетъ.

— Однако, господа, надо продолжать занятія.

— Давайте,—откликается общій хоръ.

— Что у насъ тамъ осталось?

— Алгебра.

И черезъ минуту изъ комнаты, гдѣ водворяется относительная тишина, до меня доносятся слова:

— Извлечъ корень кубическій...

И нѣкоторое время комната представляетъ изъ себя самый настоящій храмъ чистѣйшей математической науки.

Я слышу, какъ будущій инженеръ бойко разъясняетъ будущимъ докторамъ и юристамъ не совсѣмъ легкія для нихъ тайны алгебры.

Надолго-ли только это спокойствіе?.. Кажется, кто-то ужъ спросилъ, скоро ли въ гимназіи будетъ литературно-музыкальный вечеръ.

По окончаніи уроковъ компанія пьетъ чай, слегка перекусываетъ, чѣмъ Богъ послалъ, потомъ опять учиняетъ что-то шумное и, наконецъ, расходится, при чемъ въ прихожей бесѣдуетъ минутъ по меньшей мѣрѣ десять о самыхъ разнородныхъ предметахъ.

Сегодня наша очередь, а завтра они сойдутся уже у другого товарища, и если тамъ кухарка нижняго квартиранта не придетъ жаловаться родителямъ, то только лишь по той причинѣ, что родители сами живутъ въ нижнемъ этажѣ...

А по уходѣ гостей, когда и дома всѣ улягутся, я остаюсь одинъ и невольно отдаюсь воспоминаніямъ.

Когда-то я переживалъ такія же минуты и хорошо, весело мнѣ было. Это „когда-то“ было уже давно, но многое изъ прошлаго сохранилось съ моей памяти настолько отчетливо и ясно, какъ будто происходило вчера.

Я въ свое время тоже собирался сдѣлаться...

Боже мой! Кѣмъ только я не собирався тогда сдѣлаться.

Прежде всего, это я очень хорошо помню, меня охватывало неудержимое стремленіе сдѣлаться... уланомъ. Да, именно, не драгуномъ, не кирасиромъ и даже не гусаромъ, а непременно уланомъ, и при томъ гвардейскимъ. Тогда была война, черезъ нашъ городъ проходила масса войскъ всякаго рода оружія, но больше всего произвели на меня впечатлѣніе гвардейскіе уланы. И мнѣ тогда казалось, что именно они самые храбрые изъ нашихъ солдатъ... Храбра пѣхота, храбра артиллерія, храбры казаки, но уланы, конечно, храбрѣ всѣхъ. .

Впрочемъ, уланомъ я желалъ быть относительно недолго. Въ скоромъ времени послѣ того мое настроеніе перемѣнилось.

Я не видалъ моря, но ощутилъ въ себѣ серьезныя наклонности настоящаго морского волка и хотѣлъ сдѣлаться морякомъ, а такъ какъ мнѣ въ то же время все таки хотѣлось еще и повоевать немножко, то непременно военнымъ морякомъ.

Но въ разгаръ таковыхъ мечтаній мнѣ случилось побывать на Черномъ морѣ и проѣхаться на пароходѣ. Меня укачало, я испыталъ всѣ непріятности, такъ называемой, морской болѣзни и послѣ этого получилъ изрядное отвращеніе къ горько-соленой водѣ.

Послѣ этого меня стали плѣнять уже не военные, а гражданскія доблести. Долгое время я, какъ и мой сынъ, собирався сдѣлаться докторомъ, потомъ хотѣлъ преподавать исторію, затѣмъ возымѣлъ непреодолимое влеченіе быть ученымъ натуралистомъ-естественникомъ и, наконецъ, правда недолго, меня прельщала слава астронома.

Вотъ только, могу это вспомнить съ твердой увѣренностью, никогда въ моихъ мозгахъ не зарождалось желаніе стать инженеромъ. Почему именно я не хотѣлъ этой вполнѣ почтенной дѣятельности, не знаю, но знаю то, что никогда не хотѣлъ.

Изъ всѣхъ своихъ желаній я не осуществилъ ни одного, ибо судьба судила иное...